

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.17223/15617793/519/14

Информационное обеспечение Отдельного Корпуса жандармов Российской Империи во второй половине XIX в. (по материалам Пермской губернии)

Павел Александрович Новоселов¹

¹ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, nov.com@mail.ru

Аннотация. Исследуется процесс развития и становления системы отчетности российской жандармерии начиная с ее формирования в 1827 г. На примере документации Пермского губернского жандармского управления рассмотрена структура такой отчетности, изучен круг объектов жандармского наблюдения. В качестве основного поднят вопрос об объективности излагаемой в жандармских отчетах информации.

Ключевые слова: жандармы, жандармская отчетность, политические обзоры местностей, губернное жандармское управление, Пермская губерния

Для цитирования: Новоселов П.А. Информационное обеспечение Отдельного Корпуса жандармов Российской Империи во второй половине XIX в. (по материалам Пермской губернии) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 111–117. doi: 10.17223/15617793/519/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/14

Information support of the Separate Corps of Gendarmes of the Russian Empire in the second half of the 19th century (based on materials from Perm Province)

Pavel A. Novoselov¹

¹ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, nov.com@mail.ru

Abstract. Ensuring high-quality and objective information support for the central bodies of state security constituted one of the most important tasks of regional political police divisions. Consequently, any study of the history of the Russian gendarmerie must address this crucial aspect of its activities. It should be noted that the system of gendarmerie reporting did not take shape immediately. Initially, it consisted merely of generalized summaries and characterizations of administrative institutions and their personnel, presented in the form of reports by gendarme staff officers. This method of obtaining information on the state of affairs in individual provinces was rather fragmented and unsystematic in nature. Beginning in 1832, the frequency of submitting the results of gendarme surveillance was systematized, with gendarme staff officers required to submit reports twice annually. However, the form of such reports remained virtually unregulated. Only forty years after the establishment of the Separate Corps of Gendarmes, following the reorganization of the political police institution in 1867, did provincial gendarmerie reports acquire the character of regular, formalized documentation. The foundation of the information support system of the Separate Corps of Gendarmes in the second half of the 19th century rested on the so-called "Political Reviews of Localities," submitted annually by heads of provincial gendarmerie administrations to the Separate Corps of Gendarmes and the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, and after 1880, to the Police Department. In addition to this primary reporting document, regional gendarmerie was obliged to regularly transmit detailed information on persons under surveillance to higher authorities. Through analysis of archival documentation, including original copies of "Political Reviews of Localities of Perm Province," circular directives from the Separate Corps of Gendarmes and the Police Department, and correspondence between the head of the Perm Provincial Gendarmerie Administration and his superiors and assistants, this study examines the information support system of the Gendarme Corps of the Russian Empire in the second half of the 19th century, identifies the characteristic features of reporting documentation, describes the primary objects of gendarme surveillance, and draws conclusions regarding the level of objectivity of the information provided by gendarmes. Despite the fact that, when reporting to higher authorities, gendarme officers might in some cases remain silent about certain events—particularly those connected with local disturbances or strikes by factory workers—the reports of regional gendarmerie reflected the condition of provincial society with sufficient completeness. For several decades, these reports enabled the leadership of the political police of the Russian Empire to assess the level of public tranquility at the local level.

Keywords: gendarmes, gendarmerie reporting, political reviews of localities, provincial gendarmerie administration, Perm Province

For citation: Novoselov, P.A. (2025) Information support of the Separate Corps of Gendarmes of the Russian Empire in the second half of the 19th century (based on materials from Perm Province). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 111–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/14

Введение

Отчетность о результатах работы региональных правоохранительных органов перед высшим руководством является крайне значимой стороной деятельности этих институтов, ведь именно на базе информации, содержащейся в такой отчетной документации, принимаются наиболее важные решения в центральном аппарате управления государством.

В этой связи, обращаясь к вопросу изучения истории региональных органов политической безопасности второй половины XIX столетия, невозможно обойти стороной такой важный вопрос, как информационное обеспечение руководства данных органов о политическом, социальном, экономическом состоянии губернского общества. Ведь именно в обязанности губернской жандармерии как основных блюстителей политического спокойствия на местах в том числе входило всестороннее наблюдение за всем, что происходило в губернии, в целях пресечения любых попыток антиправительственных сил каким-либо образом проявить себя.

История возникновения и функционирования института жандармерии в Российской Империи исследовалась и исследуется многими историками, юристами, политологами. И если в дореволюционный период в некоторых публицистических работах освещались лишь некоторые стороны деятельности чинов Отдельного Корпуса жандармов в связи с высоким уровнем секретности, то после Февральской революции 1917 г. и рассекречивания полицейских архивов появляются труды, в которых история возникновения и деятельности жандармерии рассматривается более системно. Так, видный революционер, литературовед, историк и публицист М.С. Ольминский, изучая вопросы эволюции революционного движения, затрагивает тему происхождения жандармской полиции [1].

В 20-х гг. XX в. в ряде публицистических работ разрабатывались вопросы, связанные с историей III Отделения, Департамента полиции, деятельностью «черных кабинетов», секретной агентуры. Особенностью этого периода является тематическая направленность исследований, проводившихся в условиях усиленной идеологической борьбы [2–4].

С 50-х гг. XX в. начинает появляться все больше работ, посвященных ранее жестко контролируемым со стороны государства темам истории правоохранительных органов и политической полиции Российской Империи. Выходит ряд научных трудов известного советского историка П.А. Зайончковского, в которых были затронуты некоторые стороны деятельности аппарата МВД и Департамента полиции во второй половине XIX в. [5, 6]. Н.П. Ерошкин в своих работах впервые рассматривает вопросы роли и места основных органов политической полиции в системе государственных учреждений дореволюционной России [7].

После распада Советского Союза появляется целый пласт научных исследований, посвященных вопросам возникновения, становления и деятельности жандармско-полицейских органов дореволюционной России. Особенно хочется отметить труды З.И. Перегудовой,

которая в своих обобщающих работах по истории центральных органов политической полиции Российской империи второй половины XIX – начала XX в. активно использовала ранее не публиковавшиеся архивные материалы [8, 9].

Интерес к истории органов политической полиции Российской Империи продолжает сохраняться и по сей день. Только в последние годы вышел ряд работ, авторы которых рассматривают органы политического сыска и жандармерии с разных сторон, в том числе изучаются идеологические воззрения самих сотрудников политической полиции [10], исследуются организационно-правовые основы и направления деятельности органов политического розыска и военной контрразведки в условиях взаимодействия этих структур [11].

Тем не менее, несмотря на довольно большой объем исследовательского материала по теме истории жандармской полиции Российской Империи, стоит отметить, что в отечественной историографии вопросу развития системы жандармской отчетности и информационного обмена между региональными подразделениями и центральными органами политической полиции уделено слабое внимание. Важности использования информации, получаемой из донесений жандармских штаб-офицеров 1830-х гг., при изучении истории органов местного управления Российской Империи посвящен статейный материал историка Г.Н. Бибикина [12]. Сведения, содержащиеся в отчетной документации губернской жандармерии, использовались при изучении истории отдельных социально-экономических аспектов губернской жизни в статьях историков П.П. Румянцева [13] и О.В. Матвеева [14]. Однако на данный момент нет ни одного труда, посвященного исследованию вопроса жандармской отчетности и информационного обеспечения руководства Корпуса жандармов и III отделения Собственной его императорского величества канцелярии (с 1880 г. – Департамент полиции) во второй половине XIX в. о социально-политической обстановке в отдельной губернии. Поэтому в нашей работе будут рассмотрены основные этапы развития системы отчетности губернской жандармерии начиная с 1827 г., а также по материалам жандармских обзоров местностей Пермской губернии продемонстрируем особенности и степень объективности информационного обеспечения центральных органов власти о социальных, политических и экономических аспектах жизни отдельно взятой губернии во второй половине XIX в.

Особенности жандармской отчетности в период с 1827 по 1867 г.

Начиная с момента образования III отделения Собственной его императорского величества канцелярии и Корпуса жандармов в 1827 г. и вплоть до начала XX в. императорская власть в России во многом основывала свои выводы о политическом состоянии и благонадежности региональной общественности и губернских административных властей на информации, получаемой из жандармских донесений и отчетов. Однако система всестороннего жандармского надзора и отчетности обо

всех сторонах жизни губернского общества складывалась не сразу.

Одной из основных задач губернской жандармерии после учреждения III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов стал негласный надзор за местными административными властями. По словам первого шефа жандармов генерала А.Х. Бенкендорфа, «Император создавал орган, при помощи которого он мог непосредственно следить не только за появлением антигосударственных элементов, но и за действием всей сложной административной машины» [15. С. 17]. Поэтому изначально жандармское руководство требовало от региональных жандармских офицеров предоставлять сведения в основном о благонадежности и профессиональных качествах только представителей губернских административных учреждений.

До начала 1830-х гг. жандармский надзор чаще принимал форму ревизионных объездов губерний, штаб-офицеры представляли записки об общем положении дел на местах и описания местных учреждений, включая характеристики служащих [12. С. 37]. На основании таких записок сотрудники III отделения формировали внутренние ведомости. Однако подобная форма отчетности носила достаточно разрозненный и несистемный характер. Вдобавок к этому в первые годы существования Корпуса жандармов стало понятно, что сформированная система губернских жандармских штаб-офицеров охватывает не все местности Империи и есть необходимость расширения географии присутствия жандармских сотрудников. Так, в начале 1829 г. в одном из рапортов военному министру А.Х. Бенкендорф писал: «Я имею подробные сведения только из тех губерний, где штаб офицеры имеют всегдашнее жителство, посему я полагаю полезно будет назначить в каждую губернию по штаб офицеру» [16. Л. 2].

Расширение штатов жандармских сотрудников, определенная хаотичность и недостаточность предоставляемых данных о результатах жандармского наблюдения повлекли за собой необходимость упорядочивания системы отчетности губернской жандармерии. В 1832 г. был разослан секретный циркуляр шефа жандармов, в котором предписывалось «обратить самое бдительное внимание на тех из гг. чиновников, помещиков, кушцов и другие сословия, которые своим званием, или богатством, связями, умом, просвещением, или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания», а также систематизировалась периодичность предоставления результатов жандармского наблюдения. «Срок доставления ко мне сих донесений определяется 1-м числом июля и 1-м же числом января каждого года, и гг. штаб офицеры должны отправлять ко мне сии донесения в первых числах упомянутых месяцев» [17. Л. 3–4].

Таким образом, начиная с 1832 г. отчетность губернских жандармских штаб-офицеров обретает системные черты, и, несмотря на отсутствие формализации самих отчетов, такой формат информирования жандармского начальства просуществует вплоть до реорганизации политической полиции в 1867 г. и замены системы жандармских штаб-офицеров и жандармских

команд на систему губернских жандармских управлений на основании нового «Положения о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г.

Изменения в системе жандармской отчетности во второй половине XIX в.

Согласно новому «Положению о Корпусе жандармов» жандармское управление формируется и в Пермской губернии. Структура губернской жандармерии начиная с 1867 г. стала выглядеть следующим образом.

Во главе всех жандармских частей губернии стоял начальник губернского жандармского управления (ГЖУ), который не подчинялся административным губернским властям и был подотчетен только руководству политической полиции Российской Империи (III отделению С.Е.И.В.К. и Корпусу жандармов, с 1880 г. – Корпусу жандармов и Департаменту полиции).

Штаб ГЖУ и ставка начальника находились в центральном губернском городе (в Пермской губернии таковым являлся г. Пермь). У начальника ГЖУ было несколько помощников, которые отвечали за один или несколько уездов. В их подчинении находились начальники уездных жандармских управлений и унтер-офицеры, которые вместе представляли наблюдательный состав, позже переименованный в дополнительный штат ГЖУ.

В 1860–1870-х гг. жандармские сотрудники выполняли в основном функции всестороннего наблюдения и производства дознаний по преступлениям политического характера. Также в их компетенцию входило принятие превентивных мер по предотвращению подобных преступлений.

Поэтому Пермское губернское жандармское управление должно было постоянно осуществлять сбор информации обо всех сторонах жизни губернского общества и вести наблюдение за всеми социальными и государственными структурами. В целях полноценного контроля за ситуацией на местах центральное руководство политической полиции требовало от губернских жандармов регулярной отчетности. Начальник Пермского ГЖУ должен был ежегодно составлять и направлять в Корпус жандармов, III отделение и позднее – в Департамент полиции, специальные обзоры о состоянии дел в губернии, получивших название «Политические обзоры местностей». Такие «Обзоры» должны были предоставляться сначала два раза в год, в январе и июле, а с мая 1877 г. – один раз, в начале января [18. Л. 116].

В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. под влиянием вновь усиливающегося общественного движения руководством политической полиции Российской Империи была предпринята попытка создания института секретной агентуры на базе жандармских управлений. Однако данная попытка не увенчалась успехом. Во многом это было связано с недостаточным уровнем финансирования, низкой квалификацией кадрового состава губернской жандармерии, не имевшей ни опыта, ни четких инструкций по формированию агентурной сети, ни особого стремления заниматься подобной деятельностью.

Поэтому в 1880–1890-х гг. деятельность губернских жандармов вновь сосредоточивается вокруг наблюдательной работы, производства дознаний и розыскной деятельности.

Еще одним важным направлением информационного обеспечения высшего руководства губернскими жандармами с момента создания системы губернских жандармских управлений была передача данных о подозрительных личностях. Жандармы должны были сообщать о любых лицах, вызывавших подозрение в политической неблагонадежности. При этом жандармское руководство постоянно расширяло список требований относительно запрашиваемой информации о таких лицах. Так, согласно циркулярному распоряжению III отделения С.Е.И.В.К. от 30 июля 1871 года начальник Пермского ГЖУ обязывался помимо особых примет по мере возможностей предоставлять фотографии лиц, замеченных в политической неблагонадежности [18. Л. 18]. Менее чем через год вышло новое распоряжение, в соответствии с которым помимо особых примет и фотографических карточек политически неблагонадежных или подвергнутых дознанию по обвинениям в политических преступлениях лиц, предписывалось предоставлять на них характеристику, которая должна была содержать сведения об их поведении, образе жизни, наличии или отсутствии прежде проблем с законом [18. Л. 28].

За политически неблагонадежными личностями устанавливался надзор. Полицейский надзор мог быть гласным или негласным (тайным). Надзор, как правило, осуществлялся сотрудниками общей полиции, но в распоряжении Пермского ГЖУ были специальные ведомости, в которых содержалась подробная информация по каждому поднадзорному лицу [19. Л. 2об., 51]. С 1875 г. сведения о поднадзорных лицах должны были направляться в Корпус жандармов и III Отделение с.е.и.в.к., а после его реорганизации – в Департамент полиции дважды в год, в январе и июле [18. Л. 131]. По лицам, за которыми был установлен негласный надзор, составлялись и направлялись в вышестоящие инстанции специальные алфавитные ведомости [20. Л. 1 об.–2]. Жандармы обязаны были сообщать максимально подробную информацию о лице, состоящем под надзором (вид, причины и сроки установления надзора, фамилию, имя и отчество, возраст, место жительства и рождения, сословие и звание, род занятий и обстоятельства прошедшей жизни, семейное положение и сведения о родственниках и проч.).

В 90-е гг. XIX в. в условиях активизации революционно-общественного движения Департамент полиции стал требовать еще более подробного описания поднадзорных лиц. Помимо прочего, жандармы должны были давать каждому такому лицу своеобразную психологическую «аттестацию», описывая его поведенческие особенности, образ мыслей, наклонности исходя из опыта его прошедшей жизни и наличия у жандармерии каких-либо сведений о поднадзорном. Причем размытые формулировки, не подтвержденные фактами по типу «неблагонадежен» или «находится в сношениях с неблагонадежными лицами», не допускались.

В каждом отдельном случае требовалось обозначать «фактические основания, дающие вывод к сомнению в благонадежности, и указаны точно лица, сношения с которыми обратили на себя внимание наблюдателя» [21. Л. 16].

«Политические обзоры местностей» как главный отчетный документ губернской жандармерии после 1867 г.

Основу информационного обеспечения жандармского руководства на протяжении второй половины XIX в. начиная с момента реорганизации политической полиции в 1867 г. составляли «Политические обзоры местностей». Это были подробные сводные отчетные документы, в которых содержалась информация фактически обо всех сторонах жизни губернского общества за отчетный период (политические настроения, нравственное состояние, социально-экономическое положение, состояние административных и государственных учреждений, учебных заведений, издательского дела, воинских подразделений, расквартированных на территории губернии, и проч.).

«Политические обзоры местностей губернии» составлялись и подписывались начальником губернского жандармского управления. Формирование таких обзоров включало несколько этапов. На первом этапе информация собиралась нижними унтер-офицерскими чинами при помощи сотрудников общей полиции (уездных исправников), осведомителей и в результате личных наблюдений и оперативных мероприятий. На следующем этапе информация поступала начальникам уездных жандармских управлений и после проверки и анализа передавалась помощникам начальника губернского жандармского управления. Последние обязаны были убедиться в объективности и достоверности полученных сведений и сформировать отчет о состоянии дел в подведомственном им уезде или уездах.

В конце каждого отчетного периода обзоры уездов передавались начальнику губернского жандармского управления, и на их основе начальник управления составлял сводный политический обзор губернии, копии которого направлялись в III Отделение (позднее – Департамент полиции) и в Штаб Отдельного Корпуса жандармов.

Основными объектами жандармского наблюдения в губернии, информацию о которых необходимо было в обязательном порядке включать в «Политические обзоры местностей», были промышленные предприятия, органы местного самоуправления, административные и государственные учреждения, учебные заведения, органы общей полиции, военные подразделения, издательства, типографии, библиотеки и книжные магазины.

Внимание пермской жандармерии к фабричному и заводскому населению существенно усилилось в 70-е гг. XIX в., после того как в начале 1870 г. рабочие Невской бумагопрядильной фабрики устроили стачку с требованиями повышения заработной платы. Событие это было нетривиальное для того времени и

сильно взволновало жандармское руководство и имперское правительство. В циркуляре от 14 июля 1870 г. начальнику Пермского ГЖУ по поводу указанной стачки сообщалось: «...стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратила на себя Высочайшее внимание <...> Его Величеству благоугодно, чтобы чины Корпуса Жандармов <...> обратили на сей предмет самое бдительное внимание» [18. Л. 3].

Еще одним объектом наблюдения пермских жандармов, находящим отражение в каждом «Политическом обзоре», являлись учебные заведения. Вновь возникавшая в начале 70-х гг. XIX в. тенденция появления в среде учащихся и преподавателей учебных заведений тайных сообществ антиправительственной направленности вызывала самые серьезные опасения у жандармерии. В результате с декабря 1873 г. у начальника Пермского ГЖУ появилась еще одна обязанность по информированию своего руководства относительно деятельности учебных заведений на территории Пермской губернии. С 1874 г., помимо общего обзора учебных заведений, в III отделение требовалось предоставлять списки народных школ и сельских учителей [18. Л. 42].

Достаточно серьезный контроль осуществлялся и за служащими административных учреждений. Жандармское руководство крайне интересовало политическая благонадежность сотрудников таких учреждений, поэтому с 1870 г. губернская жандармерия обязана была регулярно, каждые два месяца, направлять в центральные органы политической полиции так называемые перечневые ведомости обо всех лицах, вновь поступивших на службу или переведенных из других губерний. При этом такие ведомости должны были содержать информацию о причинах назначения, перевода или увольнения, а при наличии опыта службы – сведения о предыдущем месте службы.

Особое внимание в своих обзорах жандармы уделяли деятельности земских собраний. Основные проблемы пермских земств, отмечаемые жандармскими офицерами, были связаны с их социальным составом, сбором земских налогов и коррупцией. Поскольку население Пермской губернии отличалось малым количеством дворян-землевладельцев, в состав земских собраний входили по большей части крестьяне, мещане, реже – купцы и еще реже – представители иных сословий, что обуславливало отсутствие в их среде людей достаточно образованных и «подготовленных к своим рангам» [22. Л. 233]. С этим же были связаны постоянные подозрения земских служащих в мздоимстве и присвоении средств, выделяемых земствам. Так, начальник Пермского ГЖУ в 1886–1891 гг. подполковник Н.П. Евстафьев в «Обзоре Пермской губернии» за 1888 год писал: «...при отсутствии интеллигенции земства состоят <...> из личностей, в большинстве достигших положенного ценза и влияния в окружающей среде путем неправильного обогащения и наживы <...> Земские такого типа деятели преследуют преимущественно свои личные интересы и цели» [23. Л. 53].

Особые отношения складывались у пермских жандармов с органами общей полиции. В каждом «Политическом обзоре» давалась характеристика как полицейских ведомств, так и криминальной обстановке в губернии, напрямую зависящей от состояния и деятельности самой полиции. Во многом у жандармских и полицейских сотрудников цели совпадали. Однако отсутствие четких законодательных разграничений их деятельности по некоторым направлениям, пересечение профессиональных интересов и низкий уровень взаимного информирования предопределяли характер отношения жандармов к полицейским чинам. Первый начальник Пермского ГЖУ подполковник М.П. Самойлов так характеризовал особенности полицейских служащих губернии, связывая свою оценку с их низким материальным обеспечением: «...при ограниченности законных средств к жизни чинов полиции невозможно привлекать на полицейские должности людей более достойных, которые, даже чувствуя призвание к подобной деятельности, опасаются принять на себя столь трудную и столь мало вознаграждаемую обязанность» [24. Л. 19 об.–20].

Примечательно, что «Политические обзоры» не являлись сугубо формализованным и скупым на эмоциональные окраски описанием той или иной сферы. Жандармские офицеры, анализируя ситуацию и составляя отчетные документы, нередко приводили свои личные умозаключения и суждения, не предусмотренные правилами формализации таких документов. Допущение подобной вольности, с одной стороны, давало возможность жандармскому руководству более живо взглянуть на ситуацию глазами ее очевидцев, а с другой – повышало риск субъективизации оценок происходящего и искажения истинной картины событий.

Таким образом, «Политические обзоры местностей» на протяжении нескольких десятилетий являлись главным аналитическим документом, на основании которого вышестоящее жандармское руководство и высшие государственные чины могли формировать представление о настроениях местного населения, его политических взглядах и уровне лояльности к существующему режиму, а также оценивать криминогенную обстановку в регионе и на базе этого проводить в жизнь ту или иную политическую инициативу. По сути, именно от губернских жандармских чиновников напрямую зависел тот вектор политической воли, в рамках которого шло развитие взаимоотношений между властями и региональным обществом в этот крайне сложный в социально-политическом отношении период.

И при этом стоит отметить, что далеко не всегда картина политической ситуации в регионе преподносилась жандармами в исключительно объективном свете.

Определенным доказательством служит тот факт, что пермские жандармы в обзорах за 60–70-е гг. XIX в. характеризовали политическую обстановку в Пермской губернии как исключительно спокойную, а самой распространенной формулировкой по этой теме была следующая: «политическое направление жителей

Пермской Губернии в отчетном году вообще не представило ничего, могущего послужить к каким-либо неблагоприятным заключениям» [25. Л. 30]. Однако подобные выводы расходятся с результатами исследований советских историков Ф.С. Горового и Я.Б. Рабиновича. Так, Ф.С. Горовой сообщает, что в Пермской губернии только за период с 1867 по 1871 г. произошло 27 рабочих волнений, при этом 9 из них он охарактеризовал как стачки [26. С. 145]. Я.Б. Рабинович в свою очередь отмечал, что с 1870 по 1879 г. в Пермской губернии было более 20 рабочих стачек [27. С. 23]. Вдобавок к этому «особенно обострились в этот период аграрные противоречия», что приводило к волнениям и в крестьянской среде [28. С. 26].

В то же время в «Политических обзорах» Пермской губернии за 70-е гг. XIX в. почти нет упоминаний о каких-либо происшествиях политического характера. Некоторым исключением могут быть несколько общих фраз в обзоре за 1879 г. о возможности «недоразумений... волнений и даже беспорядков» среди горнозаводского населения [29. Л. 12]. При этом, что характерно, тут же оговаривается, что подобное представлено «только в смысле предусмотрительном, но на самом деле до сих пор спокойствие края не нарушалось» [29. Л. 12 об.]. Тогда как, по сведениям Я.Б. Рабиновича, только в 1879 г. происходили забастовки рабочих Мотовилихинского, Добрянского и Очерского заводов [28. С. 25].

Это дает повод сделать предположение о том, что пермские жандармы, сообщая о полном политическом спокойствии, часто могли не включать в «Обзоры» информацию о некоторых случаях политической дестабилизации, в особенности если ситуацию удавалось урегулировать на местном уровне и своими силами. Наверх сообщалось в основном о более или менее успешных мероприятиях и дознаниях, проводимых жандармами. О серьезных же происшествиях политического характера доносилось лишь в самом крайнем случае, когда скрыть подобную информацию не представлялось возможным. Делалось ли это из частного желания не вызвать гнев вышестоящего начальства здесь и сейчас или же жандармские чиновники преследовали более дальновидные цели охраны общественного спокойствия при возможности сохранения в

условной тайне определенной информации, которая могла вызвать излишнее волнение во властных кругах или же стать примером и поводом для новых политических волнений, на данный момент доподлинно выяснить не представляется возможным. Тем не менее, именно политической полиции в лице чинов жандармского управления удавалось на протяжении второй половины XIX в. сохранять относительную политическую стабильность и достаточно успешно противодействовать антигосударственным проявлениям на территории Пермской губернии.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система информационного обеспечения и отчетности российской жандармерии к 70-м гг. XIX в. претерпела заметные изменения. С введением практики предоставления политических обзоров местностей упорядочилась структура жандармских отчетов, расширился ряд объектов жандармского наблюдения, а сами отчеты приобрели более единообразный, формальный вид.

Жандармское руководство достаточно живо реагировало на изменение общественных настроений и регулярно усиливало контроль за теми или иными группами лиц, периодически вводя для губернской жандармерии новые отчетные формуляры. Это в конечном итоге позволяло принимать более взвешенные системные решения.

И хотя информация, содержащаяся в жандармской отчетной документации, часто могла быть неполной, а оценочные выводы жандармских офицеров носили в некоторых случаях весьма субъективный характер, в основной своей массе такие документы в достаточной мере отражали губернскую действительность второй половины XIX в. А допускаемый жандармским руководством субъективный анализ и личные рассуждения губернских жандармов позволяли глубже прочувствовать отношение рядового сотрудника политической полиции к своей работе и взглянуть на жизнь губернского общества второй половины XIX в. глазами очевидца.

Список источников

1. Ольминский М.С. Из прошлого. Происхождение жандармов. М., 1919. 120 с.
2. Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. Пг., 1922. 80 с.
3. Лонге Ж., Зильберт Г. Терроризм и охранка. М., 1924. 215 с.
4. Меньщиков Л.П. Охранка и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1925. 431 с.
5. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. 368 с.
6. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 70–80 гг. XIX в. М., 1964. 513 с.
7. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. 395 с.
8. Перегудова З.И. Департамент полиции и секретная агентура (1902–1917 годы) // Исторические чтения на Лубянке. М., 1999. С. 55–60.
9. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. 430 с.
10. Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб., 2020. 358 с.
11. Кирмель Н.С. Жандармерия и контрразведка России в годы Первой мировой войны. М., 2021. 560 с.
12. Бибиков Г.Н. Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской Империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 34–57.
13. Румянцев П.П. Жандармская отчетность 1850–1870-х гг. как источник по истории развития золотопромышленности Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 3. С. 89–94.
14. Матвеев О.В. Казаки глазами жандармов (по политическим обзорам Кубанской области 1880-х годов) // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития : материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г.). Краснодар, 2012. С. 186–192.

15. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование : в 2 т. СПб., 1903. Т. 2. 820 с.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 157.
17. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 434.
18. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 162. Оп. 2. Д. 3.
19. ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 76.
20. ГАПК. Ф. 162. Оп. 3. Д. 30.
21. ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 203.
22. ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 11.
23. ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 28.
24. ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 11.
25. ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 6.
26. Горовой Ф.С. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь, 1954. 148 с.
27. Рабинович Я.Б. Стачечная борьба в Пермской губернии в 70-х годах XIX века // Ученые записки Пермского университета. Т. XXI, вып. 1. Пермь, 1961. С. 3–28.
28. Рабинович Я.Б. Пермские «декабристы». Пермь, 1966. 100 с.
29. ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 18.

References

1. Olminskiy, M.S. (1919) *Iz proshlogo. Proiskhozhdenie zhandarmov* [From the past. The origin of the gendarmes]. Moscow.
2. Pavlov, P. (1922) *Agenty, zhandarmy, palachi* [Agents, gendarmes, executioners]. Petrograd.
3. Longuet, J. & Silbert, G. (1924) *Terrorizm i okhranka* [Terrorism and the Okhrana]. Moscow. (In Russian).
4. Menshchikov, L.P. (1925) *Okhranka i revolyutsiya: k istorii taynykh politicheskikh organizatsiy, sushchestvovavshikh vo vremena samodержавiya* [The Okhrana and the revolution: towards a history of secret political organizations that existed during the times of autocracy]. Moscow.
5. Zayonchkovskiy, P.A. (1952) *Voennye reformy 1860–1870-kh godov v Rossii* [Military reforms of the 1860s–1870s in Russia]. Moscow.
6. Zayonchkovskiy, P.A. (1964) *Krizis samodержавiya na rubezhe 70–80 gg. XIX v.* [The crisis of autocracy at the turn of the 1880s]. Moscow.
7. Eroshkin, N.P. (1960) *Ocherki istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [Essays on the history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow.
8. Peregudova, Z.I. (1999) *Departament politzii i sekretnaya agentura (1902–1917 gody)* [The Police Department and secret agents (1902–1917)]. In: *Istoricheskie chteniya na Lubyanke* [Historical Readings on Lubyanka]. Moscow. pp. 55–60.
9. Peregudova, Z.I. (2000) *Politicheskii sysk Rossii (1880–1917 gg.)* [Political investigation in Russia (1880–1917)]. Moscow.
10. Ulyanova, L.V. (2020) *Politicheskaya politsiya i liberal'noe dvizhenie v Rossiyskoy imperii: vlast' igry, igra vlast'yu. 1880–1905* [The political police and the liberal movement in the Russian Empire: the power of the game, the game of power. 1880–1905]. St. Petersburg.
11. Kirmel, N.S. (2021) *Zhandarmeriya i kontrrazvedka Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Gendarmerie and counterintelligence of Russia during the First World War]. Moscow.
12. Bibikov, G.N. (2021) *Polugodovye doneseniya gubernskikh zhandarmkikh shtab-ofitserov kak istochnik po istorii mestnogo upravleniya Rossiyskoy Imperii 1830-kh gg.* [Semi-annual reports of provincial gendarme staff officers as a source on the history of local government of the Russian Empire in the 1830s]. *Novoe proshloe*. 1. pp. 34–57.
13. Romyantsev, P.P. (2017) *Zhandarmkaya otchetnost' 1850–1870-kh gg. kak istochnik po istorii razvitiya zolotopromyshlennosti Zapadnoy Sibiri* [Gendarme reports of the 1850s–1870s as a source on the history of the development of the gold industry in Western Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 24 (3). pp. 89–94.
14. Matveev, O.V. (2012) [Cossacks through the eyes of gendarmes (based on political reviews of the Kuban region in the 1880s)]. *Rossiyskoe kazachestvo: istoriya, problemy vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya* [Russian Cossacks: History, Problems of Revival and Development Prospects]. Proceedings of the All-Russian Correspondence Conference (October 2011). Krasnodar. pp. 186–192. (In Russian).
15. Schilder, N.K. (1903) *Imperator Nikolay I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I. His life and reign]. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg.
16. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 110. List 2. File 157. (In Russian).
17. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 109. List 7. File 434. (In Russian).
18. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 2. File 3. (In Russian).
19. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 65. List 5. File 76. (In Russian).
20. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 3. File 30. (In Russian).
21. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 2. File 203. (In Russian).
22. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 2. File 11. (In Russian).
23. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 1. File 28. (In Russian).
24. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 1. File 11. (In Russian).
25. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 1. File 6. (In Russian).
26. Gorovoy, F.S. (1954) *Otmena krepostnogo prava i rabochie volneniya na Urale* [The abolition of serfdom and worker unrest in the Urals]. Perm.
27. Rabinovich, Ya.B. (1961) *Stachechnaya bor'ba v Permskoy gubernii v 70-kh godakh XIX veka* [The strike struggle in Perm province in the 70s of the 19th century]. *Uchenye zapiski Permskogo universiteta*. XXI (1). pp. 3–28.
28. Rabinovich, Ya.B. (1966) *Permskie "dekabristy"* [The Perm "Decembrists"]. Perm.
29. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 1. File 18. (In Russian).

Информация об авторе:

Новоселов П.А. – аспирант кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия). E-mail: nov.com@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.A. Novoselov, postgraduate student, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: nov.com@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025;
одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 03.04.2025;
approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication 10.10.2025.